

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
СООБЩЕСТВА МОЛОДЕЖИ:
МЕГАПОЛИС, ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ГОРОД, СЕЛО**

В антропологическом исследовании современных молодежных сообществ в России, при всей популярности этого предмета и обилии посвященных ему работ (обзор их дан во вступительной статье к разделу), есть две лакуны.

Во-первых, большинство авторов собирают материал в местах собственного проживания, т.е. в крупных городах, главным образом в Москве и в Петербурге. Таким образом, представление о субкультурной молодежной жизни, которое можно составить по работам, в той или иной степени отражает лишь положение, характерное для мегаполиса. Между тем очевидно, что молодежные сообщества существовали и существуют везде, где имеется молодежь, а не только в столицах и областных центрах, и что отличия социокультурных ситуаций в современных поселениях разной величины и разного административного статуса не могут не влиять на степень и суть имеющихся в них молодежных сообществ.

Во-вторых, статьи и публикации касаются почти исключительно тех подростковых и молодежных сообществ, которые осознают и манифестируют собственную специфичность на основе какой-то мировоззренческой или эстетической доминанты (со всеми оговорками их можно обозначить как *идеологические*). Те же сообщества, групповое самосознание которых мотивируется принадлежностью к определенной жизненной территории (назовем их, соответственно, *территориальными*, или *локальными*), как бы по умолчанию не включаются в объем понятия "молодежная субкультура" и таким образом, за редчайшим исключением (Кулешов 2001; Кутьина и др. 2002), остаются за рамками антропологических субкультурных исследований. О территориальных молодежных группах пишут либо этнографы, изучающие практики молодежной культуры в традиционной крестьянской общине, когда речь идет, например, о формах коммуникации молодежных компаний из разных деревень (Бернштам 1988, Морозов 1997 и др.) – однако в этих исследованиях принципиально используется не современный материал; либо криминологи, рассматривающие уличные подростковые преступные группировки и их место в криминальной среде (Прозументов 1993; Пирожков 1994 и др.), – но направления анализа материала здесь слишком далеки от задач и методов культурной антропологии. На самом деле территориальные сообщества в той же степени, что и идеологические, обладают своей культурной спецификой, включая и аксиологическую систему, и особый язык, и поведенческие сценарии, и коммуникативные практики – одним словом, все то, что обычно описывается в работах о молодежных субкультурах. Кроме того, и те, и другие не существуют изолированно, а, напротив, постоянно соприкасаются и определенным образом взаимодействуют, а потому имеет смысл исследовать их в едином контексте.

Замысел нашего проекта, в ходе которого была проведена серия специальных полевых исследований, состоял в том, чтобы попытаться хотя бы отчасти "подправить" оба указанных крена. Для этого необходимо было проследить и описать особенности функционирования и взаимодействия молодежных сообществ двух типов в большом городе, в провинции (т.е. в небольших городах уровня районного центра) и на селе –

Валентин Вадимович Головин – доктор филологических наук, зав. кафедрой детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств.

Михаил Лазаревич Лурье – кандидат искусствоведческих наук, доцент кафедры детской литературы Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, преподаватель Академической гимназии СПбГУ; e-mail: mlurie@inbox.ru

такой постановкой задачи обусловлен и преимущественно дескриптивный характер настоящей работы.

Материалы собирались в 2001–2002 гг. в Петербурге, районных городах Окуловка (Новгородская обл.), Лодейное Поле, Подпорожье, Тихвин, Сланцы (Ленинградская обл.), селах Винницы (Ленинградская обл. Подпорожский р-н), Боровенка (Новгородская обл., Окуловский р-н), Новоселье (Ленинградская обл., Сланцевский р-н) и некоторых других населенных пунктах. Респондентами интервью стали юноши и девушки, в основном в возрасте от 15 до 24 лет. Петербургские интервью проводились М.Л. Лурье и В.Г. Головиным, провинциальные и сельские – в ходе экспедиций под руководством В.В. Головина, Е.В. Кулешова и М.Л. Лурье учащимися Академической гимназии Санкт-Петербургского государственного университета и студентами того же университета, целенаправленно знакомившимися со своими сверстниками на дискотеках. Тематические самозаписи собрала С.Г. Леонтьева среди студентов районных филиалов ЛГУ им. А.С. Пушкина. Авторы выражают искреннюю благодарность всем, кто принял участие в собирательской работе.

Идеологические сообщества в мегаполисе. Специфика социального пространства подростково-молодежной среды мегаполиса заключается в том, что в ней представлены все функционирующие в данный период идеологические субкультурные сообщества.

Именно в крупных городах, по преимуществу в столицах, а также в ориентированных на столичный тип областных, республиканских, краевых центрах подростково-молодежные группировки и отдельные их члены в наибольшей степени сосредоточены на специализированной деятельности, реализующей установки соответствующей субкультуры. В ряде случаев это непосредственно связано со спецификой центральной идеи и/или характером культурных практик того или иного сообщества. Так, вполне естественно, что хулиганы (они же *хулиганс*, *хулсы* – самоназвание одной из субкультурных разновидностей футбольных фанатов) наиболее многочисленны и активны в городах, футбольные команды которых входят в высшую и первую лигу, с большей регулярностью и частотой проводят как домашние, так и выездные матчи. Столь же очевидно, что команды геймеров могут полноценно реализовываться лишь в тех городах, где развита сеть компьютерных клубов. Но и в тех случаях, когда идеологическая программа и связанные с ней формы деятельности сообщества не нуждаются в условиях мегаполиса, субкультурная активность тинейджеров в крупном городе гораздо выше, нежели в малом или в селе. В мегаполисе наиболее регулярно и масштабно происходят столкновения футбольных фанатов, акции скинхедов, драки рэперов и панков с хулсами, шествия музыкальных фанатов после концертов.

В целом субкультурная жизнедеятельность молодежи в последнее десятилетие перестала восприниматься как что-то шокирующее и являющееся источником социальной угрозы: ее общая девиантность осознается как нечто вполне естественное, как необходимый противовес общественному мейнстриму и противоядие от культурной стагнации общества. И в этом плане закономерно, что прежняя подозрительность в отношении представителей субкультуры может интерпретироваться жителями мегаполиса как проявление провинциальной отсталости:

«Вот год или два назад мы шли с парнем куда-то на вечеринку. У него просто такой прокез был длинный, полметра, еще шипы вот так сантиметров по тридцать, все крашеное, хайр зеленый, шипы красные, вот, это только вот голова, не считая клепаной куртки, штанов, ботинок и всего, что там висело. Да, и вот какой-то патруль останавливает, просто не знает, чего с нами делать. Документы в порядке, ничего запрещенного нет. Давай, вызвали еще бобик какой-то, посмотреть на такое чудо. Такие подходят к начальнику: "А давай его в участок, сострижем, снимем там куртку, посадим в камеру". Он такой: "Ну сейчас уже не восьмидесятые годы, а это панки". Восьмидесятые годы, блин. Ну, присты-

дил его. ... Дурак, что ли, чего, панков не видел? ... А это какой-то постовой из какой-то деревни. Лейтенант реально пристыдил. И пошли дальше» (муж., 28).

Наличие большого количества субкультурных сообществ, их заметность и социальная активность в больших городах стимулируют развитие специализированного рынка, в частности, появляются магазины, где продается соответствующая одежда, атрибутика, журналы, аудио- и видеопродукция. Кроме того, сами предприниматели используют символику и стилистику молодежных движений в целях рекламы. Наиболее яркий пример этому – регулярно практикуемое в последние годы (опять же в больших городах) привлечение граффитеров к оформлению магазинов, заказ им рекламных панно на специально отведенных участках строительных ограждений и пр. Очевидно, что подключение коммерческих PR-механизмов, в свою очередь, способствует быстрому экстенсивному развитию соответствующих сообществ.

Таким образом, в российских мегаполисах спонтанная, "низовая" активность молодежных сообществ, даже наиболее "контркультурных" и "антисоциальных" по своей идеологической и практической направленности, во-первых, поддерживается системой мероприятий (фестивали, конкурсы, концерты и т.п.), проводимых официальными институтами, во-вторых, стимулируется торговой и рекламной деятельностью заинтересованных коммерческих организаций.

Характерно, что, в отличие от провинциальной молодежи, столичные юноши и девушки, причисляющие себя к какому-либо из молодежных движений, как правило, владеют достаточно полной информацией об истории, идеологии, о количестве, именах и репутации представляющих данную субкультуру команд и их лидеров, о легендарных личностях, об актуальных для сообщества новостях и событиях (в масштабах страны), о предпочтительных музыкальных стилях (и конкретных группах), о субкультурной медиа-продукции и интернет-ресурсах.

И, что особенно важно подчеркнуть, представители каждого из субкультурных сообществ обладают обязательным знанием и мнением обо всех других: об их структуре, декларируемой идеологии, системе основных деятельностных практик, моделях и формах культурно значимого поведения. Идеологические субкультуры не существуют изолированно, а, наоборот, выстраивают определенные отношения друг с другом – отношения, реализуемые "словом и делом". Межгрупповые отношения складываются в достаточно четкую парадигму, которую можно представить как своего рода "картину субкультурного мира". Данный мир обладает структурным единством, при этом каждое сообщество сообразно своей идеологии составляет аксиологические акценты: с точки зрения скинхедов панки, которых они бьют, позорят нацию – с позиции панков скинхеды, которые бьют их, – примитивные "отморозки" и т.д.

«Там, например, как там – хулиганы всякие, скинхеды, они тоже любят все на нас, на бомберов, на всяких этих, там. То есть пинают, там. ... То есть вот у скинхедов есть своя философия. ... А хулиганы же то же самое: что сидишь, например, дома, делать нечего – купил себе гады, там, голубые джинсы, там, "Пилот" куртку. Идешь на улицу там, выпил пива. А-а-а, все пьяные, пошли там вдесятером мочить какого-нибудь одного чувака» (муж., 17 лет, граффитер).

"А у нас просто на Московской стояли у метро постоянно где-то часов с десяти начинали панки сидеть, сидели там на гитаре там играют, не знаю, человек двадцать. Хулиганы что их гоняли? Во-первых, потому что так их не любят: мусор, грязь такая, панки. Ну, обычно, панков чтобы разогнать, двух человек хватало, хватало четырех человек" (муж., 17 лет, хулиган).

В качестве ментальной конструкции эта картина мира существует, разумеется, вне разделения на город и деревню, столицу и провинцию, крупный и малый город. Однако лишь мегаполис предоставляет ту социальную субстанцию, которая необходима для ее (картины) адекватного воплощения, тогда как в провинции (подробнее это будет показано ниже) данная парадигма реализована лишь фрагментарно и, как следствие,

столь же фрагментарно представлена в сознании большинства субкультурно ориентированных подростков и молодых людей – за исключением наиболее включенных, "продвинутых" единиц.

В большом городе молодежные движения в совокупности создают чрезвычайно плотное и коммуникативно насыщенное социокультурное пространство, своего рода субкультурное поле. И городские подростки начиная уже с 12–14-летнего возраста оказываются включенными в это субкультурное поле в силу естественных и неизбежных контактов со сверстниками. Разумеется, далеко не каждый из них причисляет себя к тому или иному движению, однако и отказ от субкультурной самоидентификации есть акт сознательного выбора, требующий едва ли не большей степени сознательности, чем ее обретение. На тот или иной субкультурный путь подросток, как правило, попадает, ориентируясь на уже определившихся в этом отношении одноклассников, приятелей по двору и т.д., а не на идеологическую программу движения. При этом он всегда в курсе альтернативных возможностей – уже хотя бы потому, что, войдя в то или иное сообщество, автоматически включается в систему отношений, существующих между данной субкультурой и другими, одновременно с презентационным текстом своего сообщества овладевает необходимым комплексом реноме остальных субкультур. Так, неофит-рэпер отлично знает, что ему следует драться с алисоманами и металлистами – оппонентами по части музыкальных пристрастий, остерегаться скинхедов и хулсов, которые стремятся избить его как апологета культуры "ниггеров", тусоваться с граффитчиками и экстремальщиками как с братьями по принадлежности к направлению хип-хоп.

Более того, владение общей "раскладкой" позволяет тинэйджерам большого города сознательно варьировать собственную идентификацию, последовательно и перемененно примеряя одежды – как в переносном, так и в буквальном смысле – то одного, то другого молодежного движения. Одному из авторов этих строк привелось однажды слышать разговор двух подростков 12–13 лет, один из которых жаловался другому на свое "везение" во встречах с представителями враждебных групп и сетовал, что, какую бы субкультурно маркированную одежду он ни пробовал носить, на улице ему обязательно попадутся антагонисты, описывая эту ситуацию замечательной по своей выразительности формулой: "Когда рэпаком – тогда хулсы, когда хулсом – тогда рэпаки".

Двое наших информантов (панки) представили в качестве типичного такой путь субкультурных миграций:

– Есть такая схема: киноман, алисоман, панк, скинхед. То есть в свое время она была очень распространена. То есть человек сначала слушает рок. О! Цой! Нормальный пацан, вообще.

– Свой такой.

– Свой, и поет вот. Я вот тоже, я тоже такой, я тоже такой, но просто я не пою. Потом наслушался Цоя вот так вот, до крыши. Потом: а вот Кинчев, он прикольный. Он и хулиганистый такой, песни романтические. Буду я алисоманом. Стал алисоманом, вот одел это, красные шарфики, косухи, стрижки, как у Кинчева. Да, клево, клево. Насытился, ну. Все равно, как-то оно ограничивает.

– Рамочки есть.

– Рамочки есть. А вот панки, они вообще отвязные, у них вообще никаких рамок, они вот просто живут вообще без правил, такие злые, веселые, да.

– Живут как придется. Такие бродяги уличные, да.

– Прикольные, с ними интереснее. Стану я панком. Стал панком. Да нет, панки – они в грязи, а вот скинхеды – такие правильные, они сильные ребята, пацан сказал – пацан сделал. Они друг за друга постоят, не то что эти панки: что-то там наговорит и кинет (муж., 28 лет; жен., 20 лет).

Подобный путь может пройти и житель провинции: перемещения индивидуумов из одной субкультуры в другую в принципе возможны и в действительности происходят

езде. Но именно города столичного типа с существующим в них плотным социальным полем молодежной субкультуры задают общие параметры системы, в рамках которой такие миграции естественны.

Территориальные сообщества в провинции и селе. В подростково-молодежной среде современного провинциального города, как уже сказано, хорошо представлены территориальные сообщества. Так, в Тихвине, разделенном на микрорайоны, уличные компании подростков объединяются по районному принципу, и их противостояние составляет одну из основных доминант общегородского подросткового текста. *"Это, короче, когда, например кто-то в каком-то микрорайоне кого-то избил – да, получается, что, мол, приходим, забиваем стрелку на столько-то, во столько-то идти. Потом фигака. По типу того, что договариваемся, где там встретиться, приходит толпа"* (муж., 17 лет) (подробнее см. Кулешов 2001: 261–264).

В старых городах современное неформальное районирование пространства часто совпадает с историческим, и вражда между территориальными группировками тинейджеров осмысливается как продолжение "дела отцов". Например, в городе Лодейное Поле противоборствуют два района, разделенных железнодорожным полотном: собственно Лодейное Поле и Манинское Поле:

"Раньше... у-у-у... Война была между городскими и манинскими. .... Раньше было, что-бы парень девушку проводил на Манинское – он только провожал до середины моста вот переходного, дальше он не мог зайти. ... Он не мог зайти просто-напросто, иначе не выйти оттуда потом будет, если только выползти. ... Воевали просто, что Манинское с городом всегда воевало. Вот сейчас не знаю, почему не воюет, а раньше воевали всегда. У меня даже отец мне говорил, что они даже воевали. Не знаю, за что, но воюют всегда. А сейчас, видно, поколение новое пошло" (муж., 24 года).

В данном случае окраинный район города представляет из себя не что иное, как самостоятельное в прошлом село, административно включенное в городскую черту в период укрупнения районных центров, так что срабатывает еще и традиционное противостояние "городских" и "сельских". Ситуация довольно типична: такова же история районов Парахино в Окуловке, Погра и Ольховец в Подпорожье и т.п.

В некоторых городах действует уличный принцип локализации молодежных групп. Так, в упомянутом выше районе Манинское Поле компании складываются из подростков, проживающих на различных улицах: *"А у них там группировки свои, по улицам. ... Розы Люксембург, Рабочая, потом... Еще одна была. А городские тоже разделялись. Много их, группировок"* (муж., 24 года).

Сочетание в рамках одной городской традиции разных схем территориальной идентификации подростково-молодежных групп приводит к усложнению общей структуры сообщества местных тинейджеров и, соответственно, обогащает сюжетами фольклор героико-эпического характера. Например, отдельные противоборствующие группировки могут объединяться для "борьбы с общим врагом" (как это, кстати, часто происходит в среде идеологических сообществ). Характерна и показательна в этом отношении ситуация в молодежной среде г. Подпорожье, где реализованы практически все возможные модели локализации и противостояния территориальных сообществ.

«Как раньше, так и сейчас существует разделение по территориальному признаку. Раньше, во времена молодости наших родителей, враждовали сам город и Ольховец. В Ольховце был клуб речников, и многие девчонки гуляли с этими парнями. Парням из города это не нравилось, и возникали драки или "стенка на стенку" на реке Свирь, когда она замерзала. Сейчас такая вражда тоже существует, но она не так ярка. Также, насколько я помню, всегда существовала вражда внутри города – это разделение: центр – площадь и комса. В основном все гуляют с теми, кто рядом живет. А места, где все вместе собираются, например, на дискотеке, пытаются отметить граффити (например, надпись на кинотеатре "Космос" – КОМСА – через несколько дней обросла некоторыми дополнениями, та-

кими как КОМСА – КОЗЛЫ). Особо отличается район Погра – деревенской застройки. Тут уже площадь и комса объединяются против Погры. Последняя крупная драка была несколько лет назад около Братского кладбища, но в основном дрались средние классы школ. Если, например, спросить у десятилетнего мальчика: "Ты где живешь, в Погребе (вместо "в Погре")?" – тут же начнется драка» (самозапись, жен., 19 лет).

Кроме того, во многих небольших городах периодически формируются отдельные группы, отождествляющие себя и отождествляемые другими с тем или иным местом, но претендующие при этом на автономию и особое место в общей структуре взаимоотношений городских молодежных группировок:

"Группировки: в Манинском поле я не знаю, как называется, у нас в Лодейном – там самая сильная считается володары. От названия улицы Володарского. ... То есть они, володары, они как бы обособленно все держатся, им не нужен как бы никто. Они там как самые сильные" (муж., 17 лет);

«Самая известная в городе тусовка – это "коты". Я не знаю, почему они так называются. Они ничем не отличаются от обычной молодежи. Тусуются они на Комсе ("кресты" – перекресток проспекта Ленина и улицы Комсомольской). Это почти центр города, они там встречаются и куда-нибудь уходят. Недавно посадили Артема, их лидера, за драку» (самозапись, жен., 20 лет).

* * *

По тому же территориальному принципу структурируется подростково-молодежная среда в крупных селах и поселках. Так, в с. Винницы враждуют подростки центральных улиц села и той его части, которая ближе к мосту через р. Оять:

«Раньше у нас в Винницах была "война" между центральными жителями села и теми, кто живет на окраине. Тех, кто живет на окраине, называли "мостовские" и говорили: "Ты тут не ходи, а ходи у себя там-то"; "Молодежь центра Винниц называется "центровыми". Есть еще "мостовские" – это тоже Винницы, но на удалении от центра. ... Бывает, что мостовского парня, встречающегося с девушкой из центра, бьют» (самозапись, жен., 18 лет).

В с. Боровенка существует противостояние молодежи с улиц Калининская и Красная Горка: *"Так-то здесь никого, ну, никто не тронет. Ну, только если туда сунуться, на Калининскую, – там могут, а здесь ничего не сделают"* (муж., 16 лет).

Помимо внутренней вражды двух группировок, ассоциирующих себя с разными частями одного поселка, локальный характер субкультурной самоидентификации сельских тинейджеров реализуется и в отношениях воинственного соперничества между близлежащими населенными пунктами. Такого рода конфликты становятся материалом эпических преданий, достаточно единообразных по общей сюжетной структуре.

"Месяц назад двоих из поселка избили в соседнем поселке, так наши все поехали туда и всю дискотеку от...ли; но у нас с ними вражда постоянная. Не было еще ни одного случая, чтоб мы с ними не дрались" (самозапись, муж., 19 лет); "Из самых громких событий последних лет был приезд никольских. Что они не поделили с Винницкими непонятно. Каждый говорит свое. Драка была большой. У никольских разбомбили машину, а они отлавливали винницких по одному и били, требуя деньги за машину. Ходили сплетни, что Яшу подвесили за ноги и били битой" (самозапись, жен., 19 лет).

Здесь нужно заметить, что регулярные сельские драки между местными и чужими считаются занятием молодежным преимущественно, но не исключительно. Среди записанных нами рассказов немало свидетельств об участии в таких конфликтах взрослых мужчин, что вполне согласуется и с этнографическими свидетельствами XIX – начала XX в.

Реже и пока только в больших поселках фиксируется возникновение обособленных молодежных компаний, претендующих на лидерство (см. выше о лодейнопольских "володарах" и подпорожских "котах"). В тех же Винницах «уже несколько лет суще-

ствует группа подростков, о которых говорят. Они называются "Банда" или "Мафия". По сути, это ребята из трех следующих друг за другом классов. ... Внешне ребята из мафии отличаются только тем, что выглядят, как "пуп земли". Собираются местные бандиты около автовокзала, когда приходят автобусы, или у местного магазина "Рубин". Там деревянные скамеечки, на них сидят и пьют пиво, водку. Мафия недолюбливает мостовских ...» (самозапись, жен., 19 лет).

Деревенская молодежная среда, в отличие от городской, исторически не имеет иного субкультурного опыта, кроме опыта территориальных сообществ. Именно эта модель продолжает непрерывно воспроизводиться. Некоторые поведенческие установки, принципы коммуникации, формы гендерной и возрастной регламентации отчетливо связывают современную молодежную деревенскую субкультуру с ее прошлым: например, дискотеки нередко подразделяются по возрастному признаку, что воспроизводит схему разграничения деревенских посиделок на "младшие" и "старшие", причем и самые формы нарушения этого установления подобны практиковавшимся прежде в деревне. Направление, в котором изменяются модели поведения сельских тинейджеров, можно свести к триумфу о влиянии города на деревню, но по большей части эти изменения носят стилистический характер: поведение деревенской молодежи копирует манеры, свойственные (или приписываемые) городским криминальным группировкам.

Идеологические сообщества в провинции. Из идеологических субкультур в провинции в большей степени представлены сообщества адептов того или иного музыкального направления, стиля или конкретного исполнителя: рэперы, рэйверы (кислотники), металлисты, киноманы, алисоманы и пр. Реже встречаются панки и скинхеды, в последнее время стали все чаще появляться графферы. Характеристика представителей сообществ в рассказах наших информантов, не причисляющих себя к какому-либо из них (что само по себе показательно), чаще всего выстраивается по следующим позициям: 1) музыкальное пристрастие, 2) одежда, 3) специфика поведения, 4) взаимоотношения между собой. При этом, в отличие от тинейджеров, живущих в крупных городах, их провинциальные сверстники часто имеют самые общие, достаточно нечеткие и фрагментарные представления о субкультурных стандартах: *"В середине сентября я наблюдала в магазине трех парней. Один из них был рэпером, общался так же, как двое остальных парней. Рэпером был Сергей. На нем одеты были: бандана, футболка с изображением какой-то группы (не заметила), куртка кожаная в заклепках"* (самозапись, жен., 18 лет). Рэпер, надевший клепаную куртку, – очевидный нонсенс, если не сказать оксюморон: рэперы и металлисты относятся к традиционно враждующим группировкам. И не столь важно, лодейнопольская рассказчица ошибочно причислила Сергея к рэперам, сам ли он "не до конца разобрался" в костюмном каноне своего сообщества – в любом случае, такой текст-путаница не мог бы возникнуть в мегаполисе.

Обратим внимание и на речевой оборот "наблюдала в магазине": по-видимому, явление разряженного "рэпера" – незаурядное событие для культурного опыта рассказчицы. В провинциальном городе, где общий социальный фон составляет гораздо более многочисленная "простая молодежь, которая тоже много беспредельничала, но к дьявольским группировкам не относилась", отдельные представители движений или группы неформалов – хорошо заметная редкость: *"По музыкальному принципу город особо не разделяется, существует лишь несколько небольших групп (по 5–6 чел.) – киноманов. Они раньше были более активными, но теперь после того как их лидер уехал в Питер учиться, они практически незаметны"* (самозапись, жен., 19 лет).

В этой связи видится вполне закономерной и распространенностью представлений, очевидно "мифологизирующих" образ той или иной субкультуры:

"Вспоминая те годы, когда я вступал в ряды молодежи, очень запомнились две группировки. Это сатанисты и киноманы. В то время только было и слышно о том, как в парке

резали собак и кошек. Было много случаев нападения на людей. ... По вступлению в группировку киноманов (они тусовались обычно в подвалах или лесу) нужно было выпить стакан мочи и съесть ложку говна" (самозапись, муж., 20 лет).

В провинциальном "субкультурном тексте" прослеживается интересная закономерность: говоря о существующих в городе молодежных движениях, информанты в абсолютном большинстве случаев называют два представленных сообщества:

«И в Северодвинске, когда я учился там в восьмом классе ..., там было из неформальных таких сообществ всего две группировки. Всего две. Ну, городок маленький, хочется противостоять. Всем хочется. Не быть же единым фронтом, не идти на Архангельск войной. Или там на Новодвинск. Зачем – можно разобраться внутри себя. Там были рэперы и металлисты. Все. При этом рэперы, это были люди, слушающие рэп, одевающиеся в широкие штаны и дутые кроссовки, дутые куртки и кепки, скрученные узеньким козыречком. Плеер в ушах, то есть такой рэпер идет: "Yo! Yo"! И металлисты. А металлисты – это вообще было ни то, ни сё и сбоку бантик, там были все остальные просто. То есть были рэперы и были все остальные, но все остальные просто назывались металлисты. Потому что там был только один магазин неформальный, и там продавался только рэп и металл. В общем-то, вся молодежь слушала или рэп, или металл ... Идешь... металлист рэпера... да-да: "Рэп – это кал!" – "А вы, металлюги, уроды!" И все. То есть все, все было абсолютно спокойно"» (муж., 18 лет).

Данный текст записан от бывшего жителя Северодвинска, несколько лет назад переехавшего в Петербург, в настоящее время принадлежащего к сообществу ролеви́ков и одновременно считающего себя панком. Временная и культурная дистанцированность от своего провинциального прошлого вкупе с субкультурным опытом и включенностью столичного жителя позволяет ему – в отличие от других рассказчиков – оценить разделение едва ли не всех школьников города на две субкультурные группировки как ситуацию чисто провинциальную. Заметим также, что, иронизируя, рассказчик, тем не менее, очень точно называет два предопределяющие эту ситуацию фактора: ограниченность информации ("только один магазин неформальный") и интенция противостояния. Одного сообщества недостаточно, два – таково число, минимально необходимое для выстраивания отношений между группами и, следовательно, для моделирования структуры молодежного субкультурного пространства, единого, но внутренне неоднородного.

Вполне закономерно, что если в небольшом городе появляются представители двух субкультур, то это, как правило, сообщества-антагонисты, между которыми сразу оформляются отношения противостояния. По-видимому, в среде провинциальной молодежи происходит естественный перенос хорошо освоенных моделей взаимодействия между территориальными (например, районными) группировками на новую для этой среды субкультурную ситуацию. Не случайно один из самых устойчивых моментов в рассказах о молодежных движениях в небольшом городе – указание на массовые драки ("масштабные разборки") между двумя враждующими идеологическими группами ("Ну, вот сколько я учился в Сланцах в школе, по, ну, 300 человек были столкнувши около школы, так там около школы всё, валялись стёкла, там кастеты отбирали, дубинки" – муж., 17 лет). Разумеется, драки между "неформалами" происходят и становятся предметом повествовательного фольклора и в крупных городах. Разница состоит в том, что в провинции, в отличие от мегаполиса, воинственное противостояние – не одна из многих, а единственная модель межгрупповых отношений в молодежной среде.

Вообще "разборки" между идеологическими сообществами в малом городе больше напоминают драки между районными или сельскими уличными "ватагами". Рассмотрим в этой связи один пример – продолжение цитировавшегося выше рассказа о северодвинских рэперах и металлистах:

"Там летом, летом, – ну, когда Северная Двина, в общем-то, уже не скованная льдом, как обычно, там устраивалась замечательная драка. Там город, и кусочек – как у нас на Ваське, но там только один такой островок, остров Ягры называется. И там большущий мост. Мост, он такой не изогнутый, а прямой абсолютно, и невысокий, в общем-то, но при этом очень удобный. Там по ночам сходились добрые друзья рэперы и металлисты друг с дружкой и устраивались замечательные побоища – просто так, то есть никаких разборок полетов до этого не было, никакого противостояния. Просто это был как праздник, там, День благодарения там или День независимости, – день драки. Туда все приходили просто, кто причислял себя к какой-либо из этих структур, и начиналась большущая потасовка, но потасовка была очень добрая" (муж., 18 лет).

Помимо таких показательных моментов этого рассказа, как специальное назначение встречи, сезонная приуроченность, отношение к массовой драке как к своего рода праздничному мероприятию, эпическая масштабность побоища при несколько "показном" его характере, – хочется особо отметить еще одну неслучайную, на наш взгляд, деталь: драка происходит на мосту. Мост – нейтральная территория между частями города или двумя селами, разделенными рекой, и именно мост регулярно служит местом побоищ между враждующими жителями двух берегов. Эта модель сама по себе чрезвычайно древняя и традиционная (вспомнить хотя бы баснословные драки между новгородцами Дворищенской и Софийской сторон на наплавном мосту через Волхов, отраженные в летописях и былинах о Василии Буслаеве) – и одновременно очень устойчивая. Таким образом, устраивая "потасовки" на мосту через Двину, северо-двинские рэперы и металлисты по сути дела осуществляют наложение знаков, проецируя идеологическое противостояние адептов разных музыкальных направлений на более традиционную для провинциальной молодежной субкультуры территориальную сегментацию социального пространства.

Идеологические сообщества на селе. В крупных селах и поселках деревенского типа ситуация несколько иная: в них практически отсутствуют группы тинейджеров, причисляющих себя к тому или иному движению или тематическому сообществу и объединенных на основе этой идентификации, однако есть знание о существовании некоторых молодежных субкультур и набор представлений о них.

Малочисленность тинейджеров предопределяет узость круга, тесноту социального пространства: все они учатся в одной школе, ходят на дискотеки в один клуб, подчас составляют одну-две разновозрастные компании. Кроме того, отсутствие перспектив работы и учебы в деревне приводит к массовому оттоку подростков 14–17 лет – возраста наибольшей активности субкультурной жизнедеятельности. Кроме того, сельская молодежь получает информацию о городской жизни, в частности касающуюся и молодежных субкультурных движений, от уехавших учиться или работать в город сверстников, регулярно посещающих родное село в праздничные и каникулярные дни. Другой важный источник такой информации – дачники, приезжающие на лето целыми семьями. В некоторых селах число городских подростков в период летних каникул значительно превосходит число местных, и первые осуществляют эскалацию столичных культурных ценностей (мода, музыка, лексика, показатели престижности и т.п.) в деревенскую молодежную среду.

Следствием этого являются некоторая информированность сельских юношей и девушек к том, какие бывают и что из себя представляют различные молодежные движения (нередко весьма фрагментарная, соотнесенная с ситуацией в близлежащем городе), интерес к городской молодежной культуре и стремление связать свою самоидентификацию со знаками тех или иных ее направлений. Вместе с тем отсутствует социальный простор (что выражается формулами: "у нас все свои", "у нас все на виду" и т.п.), необходимый для формирования идеологически ориентированных групп и для реализации девиантных поведенческих установок. Если и возникает компания единомышленников, например, на основе музыкальных пристрастий, то их склонность к то-

му или иному направлению остается личным "увлечением", не приводя к формированию как таковой субкультурной группы. Поэтому чаще всего молодежные сообщества в сельской среде представлены персонально, штучно, одним или несколькими молодыми людьми, что никак не влияет на общую социокультурную конфигурацию этой среды. Приведем в качестве иллюстрации к сказанному выше несколько наиболее показательных, на наш взгляд, отрывков из беседы с группой тинейджеров села Новоселье:

Собиратель: У вас киноманы есть?

– Киноманов много у нас даже есть.

Собиратель: Есть киноманы?

– Есть. У нас как бы, ну как, киноманы, киноманы... Ну конечно, слушают другую музыку там какую-то.

Собиратель: Ну сами себя считают киноманами?

– Да: «Цой – это сила. "Кино" – круто».

Собиратель: И много?

– Ну, штук пять есть, наверно, четыре.

Собиратель: Они между собой общаются?

– Общаются, да. А если что-то про Цоя плохое скажешь – все, начинают морду бить.

Собиратель: А они ездят на могилу?

– Ну у них как бы возможности нет. Они с неблагополучных семей. Ну Жук да, Жук был на могиле (муж., 21 год; жен., 16 лет; жен., 17 лет).

Субкультурная идентичность и субкультурное поведение (представление о котором как о наборе определенных культурных практик – это видно из интервью – существует у сельской молодежи) в целом воспринимаются тинейджерами как нечто интересное, но достаточно далекое, имеющее мало отношения к деревенской повседневности, если и представленное в местной молодежной среде, то в смешном количестве и в ущербном, неполноценном виде:

Собиратель: А есть такие люди в Новоселье, которые себя считают рэперами?

– Вот рэпер.

– Я не рэпер, я рэйвер.

Собиратель: Рэйвер?

– Да какой он рэйвер? Если б он был рэйвер, он бы другую музыку не слушал, он бы фанател этим рэйвом. Он не такой уж и фанат.

– Если б он был рэйвером, он бы строился под рэйвера, ходил как рэйвер.

– Так я один...

– Может быть, я бы потом к тебе пристроилась, может быть, Маша. Ты должен был втягивать в рэйв, что это классная музыка. А так...

– Вас втягивать бесполезно.

Собиратель: То есть просто потому, что нет знакомых, да?

– Да, да. Раньше были-то, сейчас они уже уехали.

Собиратель: Поехали учиться, да? А раньше были кто – рэйверы?

– Да, у нас немного было, не очень.

– Четверо.

– Да раньше не знаю, ну вот там вот было шесть, семь, может, восемь.

Собиратель: Ну и вы как-то одевались, как рэйверам положено?

– Не, ну просто слушали музыку. Мы тогда еще не знали, что под такую музыку так одеваются.

Собиратель: А рэперов вообще нет и не было, да?

– Не, ну слушали в таком роде, но не одевались.

Вообще, в этой беседе периодически ощущалось некоторое стеснение и неуверенность говорящих при характеристике и различении субкультурных движений:

Собиратель: Так, хорошо, а скинхеды есть?

– Здесь, в Новоселье?

– Чирик, что ли?

– А, вот у нас новенький, новенький, да, вот он, по-моему, скинхед. Че-то я его вообще давно не видела, я его еще и ни разу не видела, между прочим.

– Панки приезжали.

– А, это не панки, вот это и есть скинхеды.

Собиратель: Да? А почему вы решили, что это панки?

– Вообще, скинхеды как считается... Вообще, я не знаю, я их и не видела. Но скинхеды считаются.

Собиратель: Так вот этот новенький – он кто?

– Даже не знаем.

Размытость и фрагментарность представлений о подростковых субкультурных сообществах у жителей тех населенных пунктов, в которых происходит интенсивное общение с приезжими городскими сверстниками, дает обратный эффект: субкультурная принадлежность индивидуума не воспринимается как нечто исключительное, требующее к себе особого отношения, возникает ощущение, что "все это мы видели". Приведем фрагмент записи, сделанной в Боровенке (село расположено в нескольких километрах от районного центра, к тому же непосредственно у железнодорожной линии Москва – Петербург, и потому каждое лето наводняется городскими, в том числе и столичными дачниками):

Собиратель: А рэперы и рэйверы здесь были когда-нибудь?

– Рэперы, конечно.

Собиратель: Рэперы были, рэйверов не было?

– Тут все есть, тут все было. Тут и скинхеды есть.

Собиратель: А как они все друг к другу относятся?

– Параллельно.

– Параллельно, да, до фени всем.

Собиратель: А что представляют из себя эти скинхеды?

– Слушают "Рамштайн", бритые головы, курят, пьют... (муж., 17 лет; муж., 18 лет).

Вторая часть этого небольшого диалога интересна тем, что, по мнению информантов, представители субкультурных движений относятся друг к другу "параллельно". Совокупность идеологических сообществ, таким образом, воспринимается не как единая система, но как дискретный ряд. И это главное, что отличает представление сельских тинейджеров о мире молодежных движений от представления, существующего у их городских сверстников. В этом плане весьма показателен ответ наших респондентов из Новоселья на прямой вопрос о причинах невосприимчивости сельской молодежной среды к субкультурным увлечениям города:

Собиратель: Почему же это сюда к вам не переносится, если все это есть?

– Ну, у нас там чего, все свои.

– Без разницы – хоть ты рэпер, хоть не рэпер, – без разницы.

Иными словами, теснота и ограниченность социального пространства (молодежи мало, все друг друга хорошо знают) не позволяет матрице субкультурного поля реализоваться в деревне даже в том минимальном виде, в котором это возможно в небольшом городе.

Территориальные сообщества в мегаполисе. Сказанное выше отнюдь не подразумевает того, что в крупных городах представлены исключительно субкультуры идеологического типа, а территориальный принцип формирования и функционирования подростково-молодежных сообществ полностью утратил актуальность. В мегаполисе существует весь реестр молодежных сообществ, включая и локальные. Последние традиционно представляют собой группы молодежи, которые "закрепили" за собой некоторую часть городской территории (улицу, двор, квартал, район):

"Ну там, у нас в Петербурге по окраинам. По окраинам: Озерки как раз, Ленинский проспект, Малая Охта, значит, Проспект Большевиков. ... Ну там, Ленинский проспект –

это Утюг, там такие названия, например, Монте-Карло, Вашингтон. Это Ленинский проспект тоже с ответвляющимися какими-то улицами. ...Они объединяются именно по признаку и по улице, то есть друг на друга все время там напрыгивают" (муж., 17 лет).

Обычно идентификационное обозначение такой группы в среде территориальных сообществ (если оно существует) традиционно связывается с городским топонимом – названием района, улицы и т.д. Представители же идеологических сообществ обозначают эту среду одним именем – "гопники", или "гопы" (ср. также собирательное – "гопа", "гопота"):

"Ну вообще в принципе гопники, определение гопникам – это люди, которые живут по подвалам, да, которые воруют алюминий, собственно говоря, продают его – вот это гопа, да. Ну еще гопники – люди, которые ходят, не знаю, дерутся там, чего-нибудь отбирают. Ну скажем, человек простой идет – они набегают, да, избивают его, чего-нибудь отбирают. Это гопники" (муж., 17 лет).

Два фактора, особенно проявившиеся в последние полтора-два десятилетия, определили значительное понижение статуса городских территориальных сообществ в молодежной среде мегаполиса. Во-первых, удельный вес данных сообществ значительно снизился, поскольку количество идеологических субкультур и число входящих в них тинейджеров увеличилось на порядок. Во-вторых, отсутствие какой-либо исповедуемой идеологии, вообще какого-либо осознанного группового кредо обусловило презрительное отношение к территориальным сообществам со стороны представителей сообществ идеологических: *"Не, ну понятно, что это есть такое дело: те, кто как-то по музыке или по каким-то другим причинам себя отделяет от другой компании, изначально этим отделением ставит себя выше, то есть "вы просто ходите, палками друг друга шпыняете, а мы за идеологию бьем"* (муж., 18 лет).

В свете сказанного представляется естественной заметная в последнее время миграция членов уличных группировок в идеологические субкультуры. Чаще всего "гопники" стремятся пополнить ряды футбольных хулиганс. Только по результатам многочисленных выездов, "дерби", ряда акций, освоения хулиганской идеологии и атрибутики некоторые, наиболее достойные из них (иногда обозначаемые как "полугопники") попадают в команды хулсов или создают новые, пользующиеся у старых членов движения дурной славой:

«Не, ну как бы, скажем, вот Ленинский проспект, там большинство, скажем – одна гопа. Там есть и хулиганы, вот, скажем, те же "Cannibals", да, вот, ну, много там: "No Name" фирма там, молодая тоже фирма. Ну вот, в принципе, эти фирмы, чем они плохи – они молодежные, то есть сформированы самими гопниками» (муж., 17 лет).

В той же мере показательно, как понятие о "гопниках" используется при конструировании образа субкультуры скинхедов (сравнительный анализ этих сообществ см.: *Костерина* 2006). Хотя последние распространяют свою идею искоренения всего чуждого и наведения полного общественного порядка, в том числе и на уличные местные группировки, сопоставление самих скинхедов с "гопниками" у представителей других движений звучит особенно часто, можно даже сказать – является одним из общих мест в системе субкультурных реноме. При этом идеологизированности, "сознательности" одних регулярно противопоставляется стихийный, безрефлективный характер действий других:

– ... То есть это (скинхеды. – *В.Г., М.Л.*) уже не гопники, которым просто не нравится внешний вид, они не могут даже сказать почему, то есть им это не нравится.

– Мне в прошлом году за внешний вид гопники ребра поломали.

– Да, но объяснить свою неприязнь они не могут. У них мозгов не хватает. А у скинхедов это все на идеологическую основу поставлено: вы позорите нашу нацию... (муж., 28 лет; жен., 20 лет).

Кроме того, сами скинхеды и adeptы их движения по-своему осознают родство с "гопниками" и, борясь за чистоту своих рядов, именуют "гопниками" безразличную к идеологии, "несознательно" агрессивную часть своего состава:

"Сколько можно всяким гопам прикидываться скинами... .. надо в первую очередь убивать гопов наравне с хачами... У нас в России как такового нацизма нету. Есть единицы, которые действительно грамотные и которых я уважаю и ценю. А по большей части это гопы!!!!" (реплика на молодежном интернет-форуме)

Само слово "гопник" при этом наполняется новым смыслом, специфическим для бытования его в среде субкультурной молодежи: "гопники" – это непосвященные, простецы, если и примыкающие к тому или иному сообществу, то непременно профанирующие его идеологическую сущность в силу своей интеллектуальной и культурной несостоятельности.

Таким образом, территориальные уличные группировки молодежи, не имеющие общего самоназвания и не обладающие единым самосознанием, оказываются (прежде всего в больших городах) в ситуации, при которой они не могут существовать изолированно, игнорируя наличие развитой системы идеологических сообществ и продолжая структурировать актуальное для себя социальное пространство исходя исключительно из территориальных параметров. Поэтому они считают любых представителей мира "неформалов", наравне с враждебными локальными группировками, своими антагонистами ввиду их ощутимой инакости, а кроме того, сами становятся предметом уничижительного отношения и агрессии со стороны молодежных движений. На сайтах самых различных группировок – как в программных публикациях, так и в чатах – постоянно встречаются формулы: "Все гопники – козлы", а один из участников молодежного форума предлагает писать ему по электронному адресу: Мочи@гопника.ру.

Результат устойчивых оппонентских отношений между всей совокупностью идеологических сообществ и "гопниками" имеет двоякий характер. С одной стороны, локальные сообщества так или иначе включаются в единое поле подростково-молодежной среды, обретают собственное имя и тем самым как бы "уравниваются в правах" с иными субкультурами: *"Скины лохи. Рокеры говноеды. Гопы лохи. Мы, рэперы, самые путевые чуваки на свете"* (реплика в молодежном интернет-форуме).

С другой стороны, если различные и многообразные идеологические молодежные движения, как уже было сказано, выстраивают друг с другом отношения сотрудничества/противоборства, образующие сложную и порой противоречивую систему, то "гопникам" противопоставляет себя весь конгломерат идеологических сообществ. Это своего рода каста неприкасаемых, и само слово "гопник" осознается как чрезвычайно обидная инвектива, которая может быть адресована и индивидууму, и целому сообществу. Таким образом, в среде молодежи мегаполиса, не относящей себя к той или иной территориальной группе, само понятие о таких группах становится негативной точкой отсчета социокультурной самоидентификации, и в противопоставлении локальным сообществам общая совокупность идеологических субкультур обретает большее сознание собственного единства.

* * *

Едва ли правомерно распространять наблюдения и соображения, изложенные в этой статье, на все пространство молодежной среды в России: наши материалы относятся к Северо-Западу, тогда как существование молодежных сообществ в других регионах, безусловно, имеет свою специфику. Вместе с тем при современном уровне развития коммуникативных сетей наиболее общие тенденции, принимая локально специфичную форму, так или иначе неизбежно обретают общий характер.

Хочется подчеркнуть, что наши наблюдения не сводятся к простой и предсказуемой формуле:

в крупных городах возникают и наиболее полноценно функционируют объединения идеологического типа; в провинциальном городе они представлены меньше и более заметную роль играют традиционные уличные или районные группировки, а в селах и деревнях продолжают существовать почти исключительно территориальные сообщества. Действительно, чем крупнее и "столичнее" место, тем важнее для формирования молодежных сообществ ориентация на более или менее определенный набор идеологических постулатов и предписываемых ими поведенческих моделей и культурных практик; чем меньше и "периферийнее" – тем большую роль играет территориальный принцип и связанные с ним традиции взаимоотношений между группами. Однако такая схематическая проекция без учета суммы уточняющих нюансов, которые становятся очевидными лишь при анализе большого эмпирического материала, только в самых общих чертах отражает положение вещей. Чтобы приблизиться к более адекватному представлению, мы в своем исследовании попытались ответить главным образом на три вопроса: 1) в чем состоят конкретные различия в степени и формах представленности локальных и идеологических групп в населенных пунктах разного типа и разной величины, 2) каким образом доминирование одного из названных типов молодежных сообществ влияет на функционирование сообществ другого типа и на специфику конструирования молодежью субкультурных идентичностей и 3) каковы модели и предпочтительные практики их (субкультур различных типов) взаимодействия – реального и воображаемого – в мегаполисе, провинциальном городе и в деревне? Наблюдения и соображения, которыми мы поделились в настоящей статье, – только начало работы в этом направлении. Ее необходимо продолжать, тем более что любая социокультурная реальность динамически изменчива, и не в последнюю очередь это касается молодежных субкультур.

Литература

- Бернштам* 1988 – *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988.
- Костерина* 2006 – *Костерина И.В.* Скинхеды и гопники: разные лики агрессивной маскулинности // Конструирование маскулинности на Западе и в России: Межвузовский сб. науч.-метод. матер. Иваново, 2006. С. 21–36.
- Кулешиов* 2001 – *Кулешиов Е.В.* Презентация маскулинности в подростковой субкультуре // Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Матер. науч. конф. 19–21 февраля 2001 г. / Сост. К.А. Богданов и А.А. Панченко. СПб., 2001. С. 260–271.
- Кутьина и др.* 2002 – *Кутьина А.А., Лукс Г.А., Матвеева А.А.* Неформальные объединения молодежи на рубеже тысячелетий. Самара, 2002.
- Морозов* 1997 – *Морозов И.А.* Драки // Духовная культура северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 108–116.
- Пирожков* 1994 – *Пирожков В.Ф.* Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь, 1994.
- Прокументов* 1993 – *Прокументов Л.М.* Групповая преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 1993.

Special Section of the Issue: Youth Subcultures of the Present Day Russia (guest editor: D.V. Gromov)

The issue's special section focuses on youth subcultures in contemporary Russia – the topic that has not yet been studied extensively from within ethnography in the tradition of Russian scholarship and that is nonetheless gaining increasing importance these days. The articles presented in the section attempt to address a variety of questions on the topic and add to the understanding of the subject under consideration.

D.V. Pisarevskaja attempts a case study of the process of forming and development of role-playing games and argues that the process may be considered as subdivided into two stages. What is typical for the first stage is that the forming subculture's symbols come to be reflected both in the everyday space and in

the space of the play. At the second stage, interestingly, they remain represented in the space of the play only. The author supports her argument by analyzing a number of ritual practices among the youth groups she studies.

D.V. Gromov focuses on the styles of street self-representation of political organizations of the youth in contemporary Russia. Even though these styles differ substantially due to differences in political discourses among the youth alone, these styles are similar in that they entail a certain process of constructing a message or manifestation of extremism. The author analyzes strategies, tactics, and methods of self-representation through action, verbal expression, visual expression, etc. He demonstrates that activities of the youth in the framework of politicized subcultures can be analyzed as fit within the logic of age development; that is, these subcultures allow young people to fulfill their specific age needs.

S.A. Stephenson examines the social makeup of street groups, methods of creating own spaces, codes of honour, ways of constructing masculinity, and strategies of building relationships with other street groups or other strata of youth. The author emphasizes the importance of understanding the role of colonizing the street space by youngsters for understanding their lifeworlds. The colonizing of a street or a neighbourhood entails or results in the development of codes of honour and requires the learning of moral rules as well as rules of violence; it requires that social networks be built and collective rituals be mastered; it leads to the charting of group borders and the defining of who may or may not belong to it.

T.B. Shchepanskaia investigates economic strategies of livelihood in youth subcultures. She shows that there are particular consumer, and sometimes producer, forms that mediate the process of reproduction of these subcultures. Thus, the pattern of consumption may function as a distinction criterion identifying the subculture members or distinguishing them from the surrounding milieu. A youth subculture, members of which possess fewer resources, may display "symbols of poverty" as a distinction mark and build their livelihood strategies accordingly. Priorities may be placed on the maintenance of communicative ties within the subculture rather than the issue of comfort or luxury.

V.V. Golovin and M.L. Lurie address a problem of studying comparatively youth subcultures built around "territorial" and "ideological" axes in different Russian neighbourhoods, cities, towns, and villages. They point to a specific tendency indicating that the importance of "territorial" unions is usually higher in smaller towns, where "ideological" differences are diminishing and conflicts among "ideological" groups tend to fade away. The authors examine types of conflict situations among "territorial" groups and analyze characteristic patterns of relationship among them, such as "street–street", "district–district", "centre–periphery", and others.